

№18—1917г.

ОГОНЕКЪ

Изъ дѣйствующей арміи.—Шпіонство германцевъ подъ видомъ „братанія“.

По фотографіи съ фронта рисунокъ для журнала «Огонекъ» худ. И. ВЛАДИМІРОВА.

ИСТОЩЕНИЕ

и худосочие на почвѣ чахотки, сифилиса и другихъ хроническихъ болѣзней, невралгическаго и нервного заболѣванія, половое безсиліе, сердечныя заболѣванія, старческая дряхлость съ успѣхомъ лечатъ Сперминомъ-Пеля, о чемъ свидѣлствуютъ имѣющіеся въ анитературѣ многочисленныя наблюденія известнѣйшихъ врачей всего міра.

Сперминъ-Пеля единственный настоящій, всесторонне испытанный Сперминъ; поэтому слѣдуетъ обращать вниманіе на названіе „СПЕРМИНЪ-ПЕЛЯ“ и отказываться отъ поддѣлокъ, жидкостей и вытяжекъ изъ сѣменныхъ железъ, какъ чинуда негодныхъ подражаній, ни по составу, ни по дѣйствию ничего общаго со Сперминомъ-Пеля не имѣющихъ и часто содержащихъ вредныя для здоровья вещества.

Желающимъ высылаются безвозмездно книга „Цѣлебное дѣйствіе спермина“, интересующимся же всей органотерапией, высылаются за четыре 7-копѣчныхъ марки только что вышедшая книга „Цѣлительныя силы организма“.

Сперминъ-Пеля имѣется всюду.

Профессоръ Д-ръ ПЕЛЬ - С. П. Т. Г.

ТАЙНЫ РУССКАГО ДВОРА

Въ этой повѣстной, сенсационной книгѣ съ захватывающимъ интересомъ перелѣ читателемъ проходитъ закулисная жизнь Николая II Кровавого, его любовныя похождения и послѣднія минуты царствованія. Царство Григорія Распутина и секретъ Распутинскаго дѣла въ женскихъ тайнахъ великороссійскихъ садоводовъ. Убийство Распутина и покушеніе на жизнь Императора Николая II. Выхаживаніе черныя коровы. Какъ Сухомятовъ писалъ „въ присядку“ передъ Распутиньихъ Прелатами Россіи: ген. Воевоновъ, адм. Николь, гр. Фредериксъ, Протопоповъ и др. Цѣна книги 2 руб. Съ наложеннымъ платежомъ на 50 коп. дороже. При заказѣ необходимъ задатокъ 1 руб. (можно марками). Требования и деньги адресовать исключительно: КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „НАДО“, МОСКВА, пом. ящ. 545.

НОВАЯ НАРОДНАЯ ЭНЦИКЛОПЕДІЯ.

(Съ иллюстраціями въ текстѣ).

Существованіе свободнаго у насъ поръ самодержавнаго строя вынуждаетъ расширять русскую литературу. Русский читатель сумѣетъ ознакомиться съ новыми сокровищами русской свободной мысли. Появятся новые слова, новые имена, новые наванія, которыя до сихъ поръ можно было вносить съ опаской. Читатель, кто бы онъ ни былъ: священникъ, офицеръ, дѣль, рабочий, ремесленникъ, приказчикъ и т. д., — нужно сейчасъ такое руководство, гдѣ онъ могъ бы почерпнуть все свѣдѣнія, до сихъ поръ не имѣвшія возможности получить доступъ въ свѣдѣнія гнета полицейской и бюрократической цензуры. Новая Энциклопедія будетъ состоять изъ 40 выпусковъ, каждый выпускъ составитъ самостоятельное цѣлое. Въ Энциклопедію войдутъ: биографіи всѣхъ борцовъ за свободу, программы всѣхъ партій, обзоръ революціи, движенія во всѣхъ странахъ, психическія системы, свѣдѣнія изъ исторической экономіи, рабочее законодательство и т. д. Кроме того, въ Энциклопедію войдутъ биографіи всѣхъ слугъ реакціи и тирановъ, обо народѣ дождь знать не только своихъ друзей, но и враговъ. Сюда войдутъ и биографіи старыхъ, старцевъ типа Распутина, клеветниковъ, придворныхъ „шептуновъ“ и въ энциклопедію войдетъ также рядъ произвед. Л. Н. Толстого о войнѣ, кризисѣ и др., бывшихъ до сихъ поръ подъ запретомъ. Въ 40 выпусковъ авать большой томъ, чрезвычайно интересный для чтенія, а для лицъ, желающихъ работать теперь на общественной почвѣ, въ особенности для дѣтства, народныхъ учителей, кооператоровъ, участниковъ разныхъ органицій—энциклопедія составитъ полезное руководство для пропаганды здѣшнихъ идей о новомъ строѣ свободной Россіи. Изложена энциклопедія—то, ясно, доступно всѣмъ и каждому. Обложка каждого выпуска будетъ иметь иллюстраціи и снимками. Къ составленію энциклопедіи привлечены лучшія литературныя силы. Подписная цѣна: 8 р. за всѣ 40 выпусковъ, первые выпуски вышли. Печатается ограниченное количество экземпляровъ, въ виду чего разсрочка не допускается.

Реб. адр.: Москва, Б. Гитѣдниковскій пер., 10, издательству Д. М. КУМАНОВА.

НАИЛУЧШАЯ РУССКАЯ
НАТУРАЛЬНАЯ УГЛЕКИСЛАЯ СТОЛОВАЯ ВОДА

КУВАКА

ИЗЪ РАДИОАКТИВНЫХЪ ИСТОЧНИКОВЪ

ПЕТРОГРАДЪ ТЕЛЕФОНЫ { Для пріема заказовъ 663-45, 272-80.
Продаженія 48-50.

РАСТИТЕЛЬНЫЙ
КРЕМЪ-КАВАЛЬЕРИ

ЭТИМЪ КРЕМОМЪ МАРГАРИТА

КАВАЛЬЕРИ

не содержитъ вредныхъ веществъ

СОХРАНИЛА КРАСОТУ, МОЛОДОСТЬ И СВЕЖЕСТЬ ЛИЦА И ТѢЛА ДО ГЛУБОКОЙ СТАРОСТИ.

ДЕПО: Большая Тверская аптена у памятника Скобелева. Телеф. 21-17. МОСКВА.

НА ГИТАРѢ

въ всѣхъ дней, безъ знанія нотъ, по новой сист. каждый науч. хо ошо играть арии, романсы, танцы и пьесы. Полная заоч. курсъ съ прил. безлп. альбомъ кола пьесъ налож. плат. на 3 р. Москва, рѣ журн. „Соколы“, Печатниковъ пер. 18/2

КЪ ЧЕМУ ГОТОВИТЬСЯ?

Чтобы у себя дома, безъ учителей, подготовиться къ экзамену на аттестатъ зрѣлости, нужно пройти курсъ, помѣщенный въ 10-ти выпускахъ „ГИМНАЗІЯ НА ДОМУ“. Въ 15 томахъ помѣщенъ курсъ для подготовки къ экзаменамъ на званія ка. чина, сельск. учителя, аптеч. учен., вольноопред. 2-го разр., 4 кл. гимназій. — Для экзамена на званія домашн., городск. учителя или учителя высш. нач. учил., вольноопред. 1-го разр. — требуется 10 томовъ. Другихъ учебниковъ помѣнено

„Гимназія на дому“ подготовитъ выпускниковъ къ занятиямъ и исправленію работъ преподавателей. Редакціей безвозмездно.

Въ отдѣльности каждый выпускъ стоитъ 2 руб. 75 коп. Единовременно: { 10 вып. — 26 р. — к. 15 вып. — 38 р. 25 к. 20 „ — 50 „ — „ 30 „ — 72 „ —

Пособіе по русскому языку. Руководство по составленію сочиненій. Входятъ отдѣлы: ХРЕСТОМАТІЯ съ разборами помѣщенныхъ въ ней стихотвореній, разсказовъ, поэмъ и т. д.; руководство по составленію сочиненій съ приложеніемъ образцовъ и плановъ, работъ произведеній русской литературы, теорія словососта. Необход. руков. для учащихся и учащихся 4 т. (1000 стр.) — 12 р.

Присылайте деньги впередъ за пересылку не платя. Книгоиздательство „БЛАГО“, Петроградъ, Глазкова 18-19. Сособств. магазины { ПЕТРОГРАДЪ, Невскій 65; (для проживающихъ въ Москвѣ и Петроградѣ) { МОСКВА, Мясницкая 18.

ПОСПѢШИТЕ

выписать книгу „ТЕХНИКА и МЕХАНИКА“. Въ этой книгѣ просто и ясно изложено, какъ сдѣлаться электротехникомъ, кино-механикомъ, шифферомъ, мотоциклистомъ, жел.-дор. машинистомъ, парох. механикомъ, химикомъ, авиаторомъ, токаремъ и т. д. Цѣна руководства—56 коп.—Налож. платежемъ не высылаются. Адр.: МОСКВА, Б. Гитѣдниковскій, 10, ИЗДАТЕЛЬСТВУ Д. М. КУМАНОВА.

БУХГАЛТЕРІЯ

и коммерческое самообразованіе. Заочное обученіе. Каллиграфія, стенографія, правописаніе и проч. АТТЕСТАТЪ. Льготныя условія подлщески и вробная БЕСПЛАТНО. Адр: Петрогр., „Кругъ Самообразованія“, Б. Гумесналь 7-102.

Хирургическія и др. реакціонныя издѣлія и всѣ предметы гигиены. Иллюстрированный каталогъ бесплатно. Американскій складъ А. Вайтъ-Старъ. Петроградъ, Невскій, 55.

РЕДАКЦИЯ «ОГОНЬКА»:

Петроград, Адмиралтейский кан., № 17, соб. л. Рукописи, присланные без обозначения условий, возвращаются по определению редакции. Возвращение рукописей не обязательно. Главная контора: Петроград, Галерная, 40, соб. л. Отделение конторы: при Невской Конторе «Ближевикъ Вздоостей», Невский пр., 50 (уг. Садовой). Москва: Тверская ул., 57.

Еженедельный художественно-литературный журнал «Огонёк»

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА

с перес. в Россіи
На год . . . 5 р. — к.
На полгода . . . 3 р. 50 к.
На 3 месяца . . . 1 р. 35 к.
На 1 месяц . . . р. 50 к.
Переслать адреса 20 коп.

ОБЪЯВЛЕНИЯ:

за мѣсто, занимаемое строкою напечатан на 2-й страницѣ обложки—3 руб. на 3-й и 4-й страницѣ обложки—2 р. 50 коп.

№ 18

Воскресенье, 14 (27) мая 1917 г.

№ 18

Перепечатка литературного, художественного и фотографического материала «Огонька» без полного указания источника воспрещается. (Законъ 20 марта 1911 г.).

Разсказъ С. ШИМАНСКАГО

Иллюстрировалъ для журнала «Огонёкъ»
худ. М. РОШКОВСКІЙ.

I.

Степанъ Иваковичъ не танцевалъ лѣтъ двадцать, но тутъ, глядя на молодежь, азоселся, подхватилъ за талію Ниночку, крикнулъ сыну, чтобъ игралъ польку, и пошелъ, да такъ пошелъ, что всѣ рты азили:

- Да что танцуешь, Катенька?..
- Да польку, польку, папенька!..
- Да, гопь... гопь... гопь!..

Эта Ниночка—само очарованье. Какая симметричная и оформленная, словно женщина въ уменьшительномъ стеклышѣ. Лицо еще наивно, пожалуй, немножко глупенькое, какъ у полурбенка. Но же кофточка предательски выдавала рудь; юбка плотно облегла торсъ и при виденіи, натягиваясь, рисовала стройныя и смѣлыя линии ногъ.

Притоптывая и танцуя, Степанъ Ивановичъ испытывалъ какое-то радостное состояніе, что онъ мужчина, и что возлѣ него сидитъ, близко къ ребенку, а женщина. Уголька въ ней было жизни и молодости, но видѣ молодость это уже красота, молодость—украшеніе человѣка. Пусть неправильныя черты, когда все это искупалось сверкающими глазами и чудеснымъ во всю щеку румянцемъ. И руки, что лежали

на таліи, словно электрической токъ, несли во все тѣло Ивана Степановича новое, давно забытое возбужденіе.

- Да гдѣ училась, Катенька?
- Да въ пансіонѣ, папенька!..
- Гопь, гопь, гопь!..

Ниночка прѣхала съ недѣлю назадъ, гостила у Панкратовыхъ. И Степану Ивановичу было немножко странно, что у его дочери такая подруга. Подруга дочери, рядомъ дочь—было какое-то пеловкое чувство, словно ухаживаешь за собственной дочерью, или за ней ухаживаетъ другой, а самъ стоишь ряломъ и все это видишь. Что-то раздвигалось. И вмѣстѣ съ тѣмъ во время танца страстно хотѣлось обхватить это молодое существо и прижать и крепко, въ засосъ поцѣловать въ сочныя губы...

Но танецъ продолжался недолго. Лишь Степанъ Ивановичъ остановился, чтобъ перевести духъ, а рука, еще держась за талію, не выпустила Ниночку, какъ быстро подошла Вѣрочка:

— Всякій разъ ты, папа, разстраиваешь нашу компанію. Видѣ мы же танцуемъ, одни молодые... Ну что ты портишь намъ вечеръ?.. Вѣра оттащила Ниночку, а къ нимъ распархавшись подо-

шелъ студентъ и протянулъ Ниночкѣ руку.

— Могу васъ просить, мадемуазель, на фанданго?

Степанъ Ивановичъ стоялъ, вытирая платкомъ съ лысины потъ, улыбался и съдвигал. Но потомъ улыбка сошла. Онъ оглянулся, и ему стало не по себѣ. На него смотрѣло нѣсколько глазъ. Студентъ, сынъ Петръ за роялемъ, два гимназиста и барышни. И у всѣхъ былъ такой видъ, словно они ждали, когда онъ уйдетъ.

— А ну васъ, нескладные!—разсердился Степанъ Ивановичъ и прошелъ въ кабинетъ, съ обидой прислушивался, какъ по его уходѣ въ залъ снова все оживилось, заиграли музыка, и затопали ноги.

Но обидное чувство прошло. И гдѣ-то тамъ, далеко, далеко, въ какомъ-то невѣдомомъ уголкѣ сердца стало такъ тепло и радостно, словно Степанъ Ивановичъ приближался къ большому и свѣтлому празднику.

II.

Весна-ли—чаровница патворила бѣды; внутри-ли затеплился потухшій огонь, какъ въ каминѣ вдругъ вспыхиваютъ сѣрыя пламя покрывае уголья, но у Степана Ивановича проснулась мучительная жажда свободы и жизни.

Уже на следующее утро, как только приехала Ниночка, — нужно же ей это было приехать! — Степан Иванович распахнул у себя в спальне окно.

Была рань, и только входило солнце

...Притоптывая и танцуя, Степан Иванович испытывал какое-то радостное сознание, что он мужчина, и что возле него грядет, близко, не ребенок, а женщина...

Когда распахнул окно, — зачирикали птицы, пахнуло прохладой, и обдало всего, как водой. Степан Иванович вздохнул полной грудью: Боже мой, сколько же было пряного аромата в этом утреннем воздухе! И что это была за зелень на деревьях, да какое было прозрачное небо!..

— Ну, и апаземски же хорошо здесь, в саду. — замотала головою Степан Иванович и даже зажмурился от восторга. И тогда же ему показалось, что из-за деревьев на него смотрит не солнце, не огненный шар, а весеннее и улыбающееся, с мелкими зубками и сочным ртом, румяное лицо Ниночки.

— С ума я что-ли сошел? — удивился сам себя Степан Иванович. — вот диво, да ведь она же, ей-ей, девочка!.. Да ну ты, пропади пропадом, спинь!.. — Но мысли этой не хотелось бросать, а явилась томительная игривость, откуда-то взялось желание вытянуться, позвониться и что-то такое смальчишничать.

Степан Иванович искоса поглядывал на жену, что спала в другом конце спальни, оглядывал ее пристально и внимательно и почему-то перешел с тонкой ии и острого подбородка на лоб и на перешее.

— Какой у ней большущий нос стал, — подумал он, словно сейчас лишь заметил. Потом явилось злое и досадливое чувство, словно эта женщина вдруг нарушила какую-то гармонию и эстетику.

Он перевернул плечами и по обыкновению сфилософствовал, что мужчина к старости приобретает благообразие, а у старухи лезет наружу все дурное, что было замаскировано ей молодостью и свежестью...

Степан Иванович съехал с прохладцей и медленно стал одеваться.

Уже вышло из-за деревьев солнце, такое весеннее и молодое, — и на листьях засверкала роса. Тогда в саду за окном что-то вдруг зашуршало, и послышались голоса. Потом в чаще мелькнула и исчезла светлая сиреневая кофточка.

Как Степан Иванович натягивал на спину пальто, так и остался и неподвижно смотрел в одно направление. Но аллея шла под руку Вэра и Ниночки, и Ниночка, почему-то дёловито вытянув палец, ударила им себя по ладони и кивала куцрой головой и рассказывала Вэру что-то, должно быть, очень серьезное и важное, потому что Вэра шла с раскрытым ртом и ничего ей не отвечала.

Степан Иванович загался и даже выгнулся вперед, но слова до него не долетали. Так секрет и остался секретом. И он долго глядел на покрытый песком поворот, за которым исчезли две девочки, чи где были видны следы от вдавившихся глубоко каблучка только что скрывшихся за деревьями ножек. А потом тихо и с затанной мыслью пробормотал:

— Ну и чертенок!..

А в мозгу слова появились сладкая и игривая мысли, от которых никак не мог он отделиться.

III.

После чая, особенного, веселого чая, когда за столом сидела молодежь и, отдуваясь, наскоро пила чай, с аппетитом уплетая тартинки с маслом и с сыром, а потом гурьбой поднималась и отправлялась на пикник — и Степан Иванович остался один — он подумал: — что же они не пригласили съ собой его? И эгоизм и легучность молодежи стали его раздражать. — Почему бы, право, не пойти вместе? Неужели он нарушил бы их настроение? Ведь это неправда!..

И мало того, что он сознавал, что бесконечно любит эту молодость, но он почему-то чув-

ствовал, что он сам вовсе не стар не хлам, не развалина. Вообще эти весенние дни со Степаном Ивановичем произошла какая-то метафиза. Он словно забыл, что ему сейчас сорок семь лет, не хотелось думать, что он заслуженный генерал муж своей жены, отец шестнадцати летних, взрослых детей. Все, все хотелось забыть и сбросить, как старую надобную тяжелую шубу.

Минутами даже было странно эти дни. И с ним часто стало случаться, что он вдруг словно протирал глаза и удивлением смотрел на эти юные, жутких маленьких человечков с таким удивлением, будто не понимал откуда они явились, словно выскочили из-под земли; именно, выскочили, застелились и стали хозяйничать. Никогда он прежде не знал их, а они стоят около называют отцом, что-то требуют предъявляя какая-то претензии и думая, да обязан-ли он платить, и лучше ли просто объявить себя банкротом? Какие тут, к черту, платетки, когда он сам по себе, и они тоже сами по себе. А главное, надобны всякие обязанности и обузы и даже вскармливание будущих хозяев земли.

— В сущности, — думал Степан Иванович, — ведь и я молодежь так же, как и они. Ведь я, ей Богу, такой же мальчик, такой же крошка, что вчера еще

...Он заметил и дышало кокетство, еще наивное, еще умное, наклон головы и выходящую улыбку, — и вся она была похороше на самодку, впервые озоравшую перед своим властелином...

IV.

...Крадучись и оглядываясь, как вор, боясь, чтобы никто не увидял его, подошел к несгораемому шкафу...

Солнце уже здорово припекало. А Степанъ Ивановичъ, не замѣчая жары, упрямо шагала впередъ, пронзая поле, перешель через мостъ, видя, какъ изъ-подъ ногъ вода рбзнуло ослѣпительно солнцу — и сталь углубляться въ чащу Удѣльнаго лѣса.

— Въ красотѣ такой, да и жить бы! — съ какою-то завистью оглядываясь Степанъ Ивановичъ. — И почему этотъ лѣсъ чужой, а не Божій?..

И правда, когда Степанъ Ивановичъ очутился въ лѣсу и пональ, что сейчасъ онъ одинъ, и что сейчасъ его не видитъ никто, и самъ онъ лицомъ къ лицу очутился съ природой, то онъ невольно почувствовалъ себя не тѣмъ, чѣмъ его называютъ, не отцомъ, и не мужемъ жены, и даже не его превосходительствомъ генераломъ Папратовымъ, а почувствовалъ себя природой, безсознательной частью ея, травой, деревомъ и былинкой. И всей душой захотѣлось забыть все эти чело-

вѣскія обязанности, а расплатиться, скинуть съ себя все и соединиться съ этой землею, травой, синимъ небомъ, что такъ сейчасъ было чисто и такъ безпредѣльно прозрачно.

— Такъ бы и обнял все это, закружился на мѣстѣ и слился со всѣмъ, что вокругъ видно; слился бы навсегда, на безконечно, на вѣки!..

И въ то же время, онъ почувствовалъ и смутно и ясно, что въ этомъ желаніи слиться и соединиться съ тѣмъ-то онъ видѣлъ не землю, деревья и прозрачное небо, а что-то другое — такое смѣющееся, мудрое и живое, въ чемъ такъ отчетливо рисовались весеннія, юныя груди, безъ корсета талія и юбка, что такъ рельефно выдѣляла смѣлыя линии погъ.

— Милый и очаровательный мой чертенокъ!..

Когда Степанъ Ивановичъ уткнулъ лицо въ траву, ему показалося, что тамъ, за этой рыхлой и словно живою землею, тамъ же лицо, тамъ же тѣло, тамъ та же талія, которую такъ хотѣлось стиснуть и приблизить къ себѣ.

Туманно и болѣзненно сдѣлалось въ головѣ, и отъ желанія близости появились истома и непонятная слабость. И не хотѣлось ни идти, ни подняться.

— Да почему это? — чуть не со слезами почти прокричалъ Степанъ Ивановичъ. — Почему это я снова непременно долженъ идти домой, который называется моимъ домомъ, почему я долженъ опять снова слышать тотъ голосъ, который называется голосомъ жены моей? А если я не хочу... А если я вотъ этотъ лѣсъ хочу назвать моимъ домомъ?.. Да почему, наконецъ, я не могу пойти въ каждый домъ и въ каждое мѣсто, не называя его ни своимъ, ни чужимъ, а только потому, что мнѣ это нравится?.. И почему я не могу подойти къ каждой женщинѣ, взять ее подъ руку, обнять, сблизиться, прикоснуться, — когда это такъ естественно-просто и естественно-всепонятно, и ни для кого здѣсь не мо-

жетъ быть ни единой преграды... Развѣ все мы не живемъ на одномъ большомъ островѣ, который для всѣхъ одинаковъ и для всѣхъ даетъ равное право!..

— А-у-у!.. — пронеслось перекатами гдѣ-то вдали.

— А-а-а! — раздалось совсѣмъ близко. И гдѣ-то прозвучали и замерли голоса.

Степанъ Ивановичъ приподнял голову: за деревьями, гдѣ кончался лѣсъ и начиналось поле, онъ увидѣлъ группу. Тотчасъ же узнавъ всѣхъ, жадно поспалъ глазами, но ей не пашель.

— Что-бъ это значило?

Скалось сердце. Группа приближалась съ корзинками и цвѣтами. Остановились все у пригорка. Вѣра и студентъ впереди, потомъ гимназисты и барышни, а Петръ вѣзъ на пень, сдѣлавъ рупоромъ руки и гаркнулъ такъ, что послышалось эхо:

— Агу-гу-ууу!..

И все стали смотрѣть въ противоположную сторону. Степанъ Ивановичъ проползъ въ рытвину и зачихъ. Ему не хотѣлось, чтобы его увидѣли.

— Ну и сама дорогу найдешь! — съ недовольствомъ сказала Вѣра. — у ней вѣчно манера прятаться по кустамъ.

— Вообще, семеро одного не ждуть, — сошелъ съ пня Петръ и добавилъ, — въ нечки-лавочки любить играть... Что за несносная эта Писка!..

Во рту у него была папираса, и Степанъ Ивановичъ, забывшись, протянулъ уже было руку за палкой, но опомнился.

Компанія удалялась, но отдѣльные фразы еще доносились.

Студентъ и Вѣра очутились сзади другнхъ, потомъ и все замедлили шаги, и

Артистъ Н. Н. Рождественскій въ роли Донъ-Карлоса на сценѣ Народнаго Дома. Рисунокъ для «Огонька» художникомъ Н. Плевако

падаи въ цинковой ванночкѣ, и который ера еще бѣгалъ съ другими мальчишками, билъ стекла, игралъ въ бабки, ходилъ въ гимназію и стрѣлялъ изъ рогатки на митѣ въ воробьевъ... Вѣдь я же все тотъ же одинъ, все постоянный, какъ вчера и сегодня, и меня нисколько не перемѣнили эта борода, ни эти маленькія морщинки, что появились возлѣ глазъ. Я все инъ, какъ вчера и сегодня, и они не абыютъ права отъ меня обогатить!..

Былъ большой праздникъ, и изъ села было доносилось колокола.

— А вотъ провѣтриться-бъ и встряхнуться, — рѣшилъ Степанъ Ивановичъ, — а это я имѣю полное право. А пайду ихъ, акъ пойду вмѣстѣ, и они не смѣютъ меня отогнать, потому что я имъ тогда докажу!..

Степанъ Ивановичъ снялъ съ инанино вою большую соломенину шляпу, которая дѣлала его похожимъ на бура, и серито надѣлъ на себя.

Проходя мимо кухни, онъ увидѣлъ, акъ, засучивъ до локтей рукава, жена го что-то мѣсила въ мискѣ: не то тѣсто, не то что-то изъ творога. Онъ хотѣлъ сказать какое-то слово, но потомъ раздумалъ и вышелъ въ сѣни.

— Превосходительная мѣщанка! — тязывалъ онъ насидякъ: съ опаскою оглядывая назадъ и, успокоенный, быстрыми шагами пошелъ черезъ яблочный садъ къ полю, которое начиналось тутъ же отъ замой усадьбы за службами.

На недавнихъ проталинахъ желтѣли очами одувачники. Прошли къ колодезю: четыре яркія бабы съ коромыслами. Звѣнула жестъ. Одна засмѣялась.

И подъ самымъ ухомъ вдругъ заревѣла корова. Степанъ Ивановичъ отшатнулся и, замакнувъ палкой, а корова испуганно нарахнула въ сторону и, искрививъ зовсть, прыгнула черезъ канаву къ зарюру.

Степанъ Ивановичъ свернулъ на дорогу.

когда всё спустились съ косогора, то студентъ вдругъ обернулся, обнял Вѣру и сталъ ее цѣловать.

— А я папѣ скажу,—внезапно выскочивъ изъ-подъ косогора, завизжала Петръ.

Студентъ отскочилъ отъ Вѣры и уронилъ китель. Вѣра стала что-то говорить Петру, и, помирившись, всё начали спускаться внизъ.

— А Нина не съ ними... А Ниночки съ ними нѣтъ,—мелькнула острая мысль у Степана Ивановича.

Онъ быстро вскочилъ съ травы и осторожно, словно задумавъ что-то и слегка опираясь на палку, вышелъ къ полю и остановился у дуба, гдѣ кончалась опушка.

Версты за двѣ, вдали, въ самомъ концѣ поля, гдѣ былъ желѣзнодорожный путь,—

Онъ невольно дрыгнулся и пошелъ къ ней навстрѣчу.

— Это вы?... А это я: вы не бойтесь,—говорилъ онъ ей радостно,—я васъ могу проводить до дому, потому что ваша компанія уже прошла съ полчаса...

— Идешь!—согласилась Ниночка,—но только я чуть-чуть отдохну: заблудилась и шла по солнцу... Можно, я сяду на пенек?..

Она засмѣялась и сѣла, потомъ стала оправлять платя, а Степанъ Ивановичъ молча прислонился рядомъ къ дереву и почему-то упорно смотрѣлъ на шею и на начало плеча, съ котораго спустилась, такъ капризно спустилась кофточка—и тѣло уже было слегка обожжено солнцемъ...

— Оно точно, что жарко, но зато и въ духъ же,—отвѣтилъ Степанъ Ивановичъ.

Ниночка положила ландыши на колени и, обмахивая лицо платкомъ, уста потянулась...

— Нѣтъ, все-таки черезчуръ ужъ жарко!..

— Въ глазахъ ея мелькнуло что-то русалочье, и Степану Ивановичу казалось, что говоритъ она одно, а думаетъ сейчасъ совершенно о чемъ-то другомъ. Мгновеньемъ пробѣгала улыбка, и тогда она взглядывала на Степана Ивановича.

— Не о вчерашнемъ ли она думаетъ танцѣ?—почему-то задался мыслью Степанъ Ивановичъ. Потомъ ему стало казаться, что они оба сейчасъ думаютъ о чемъ-то одномъ.

Степанъ Ивановичъ внимательно огля-

Торжественное засѣданіе членовъ Гос. Думы всѣхъ 4-хъ созывовъ.

Рисунокъ съ натуры для журнала «Огонекъ» худ. С. В. Животовскаго.

Въ кулуарахъ Таврическаго дворца послѣ засѣданія.—Овація чл. Гос. Думы 6. И. Родичеву.

27-го апрѣля исполнилось одиннадцать лѣтъ съ того дня, когда Россія,—впрочемъ, лишь номинально,—сдѣлалась конституционнымъ государствомъ. Ровно 11 лѣтъ тому назадъ съ киевскимъ Государственной Думы раздался первый свободный голосъ народныхъ представителей, гулкимъ эхомъ пронесшійся по всей Россіи. Съ тѣхъ поръ голосъ этотъ въ продолженіе 11-ти лѣтъ постепенно глухъ и заглушался и за послѣднее время передъ Великой Революціей перешелъ въ сдержанный стонъ... Совершившійся переворотъ

далъ возможность голосу этому снова съ удвоенной силой прозвучать въ тѣхъ же стѣнахъ Таврическаго дворца. Ко дню этой одиннадцатилѣтней годовщины собрался въ Гос. Думѣ члены всѣхъ четырехъ созывовъ. Съ рѣчами выступали М. В. Родзянко, который говорилъ о великомъ освобожденіи народа черезъ революцію, Шульгинъ, чортъ умѣренныхъ группъ—о спасеніи Россіи черезъ революцію, министръ-предсѣдатель кн. Г. Е. Львовъ—о счастья жить въ эпоху революціи, о высокомъ духѣ

ея, объ ея «вселенской демократической идее». А И. Гучковъ говорилъ о народолюбствѣ и социальной справедливости, о началѣхъ и жюунгахъ революціи, въ которыхъ нѣтъ спасенія. Событія послѣднихъ дней, нарождающаяся дезорганизация, культъ бездѣлствія, проповѣдуемый отдельными группами, превеличественный страхъ раскола и раздора между демократіей и Временнымъ Правительствомъ,—все это нашло себѣ упоминаніе и отраженіе въ рѣчахъ.

проворно пробѣжало паровозъ; оставилъ неподвижную струйку дыма и проскочилъ за деревья.

Началъ понемногу дуть вѣтеръ. Закачалась трава, зашуршали деревья. И постепенно весь дѣсь, такой строгій и темный что-то заворчалъ тихо-важное и непонятно-волшебное на своемъ невѣдомомъ лѣсномъ языкѣ.

На солнцѣ напозло облако. И сразу стало темно, и еще сильнѣе забеспокоился дѣсь.

— Кто здѣсь?!—услыхалъ сзади себя Степанъ Ивановичъ испуганный голосъ. Онъ обернулся и увидѣлъ въ двухъ шагахъ Ниночку. Она стояла съ ландышами въ рукахъ и смотрѣла на него широкими глазами.

Ниночка подняла голову и опять засмѣялась.

— Почему она смѣется,—съ недоумѣніемъ подумалъ Степанъ Ивановичъ. Хотѣлъ спросить, но замолкъ. А Ниночка тоже молчала, но онъ ясно чувствовалъ, что она искоса, уголкомъ глаза смотритъ и наблюдаетъ за нимъ.

У.

— А вы здѣсь зачѣмъ?—прищуривъ глаза и какъ будто лукавя, спросила Ниночка.

— Какъ зачѣмъ,—смѣшался Степанъ Ивановичъ,—просто прогуливался; потому, скажу вамъ, расчудеснѣйшая погода, просто—мое почтеніе!..

— Жарко вотъ только очень...

дѣлся кругомъ, будто прислушиваясь и провѣряя. Но кругомъ никого не было, и бытъ не могло. И отъ сознанія, что онъ и эта дѣвочка здѣсь совершенно одни, что ихъ никто не видитъ, и что никто да же не знаетъ объ этомъ—по всему тѣлу пробѣжало что-то щекочущее и приятное чего давно не испытывалъ Степанъ Ивановичъ. И онъ вдругъ почувствовалъ не обыкновенную смѣлость.

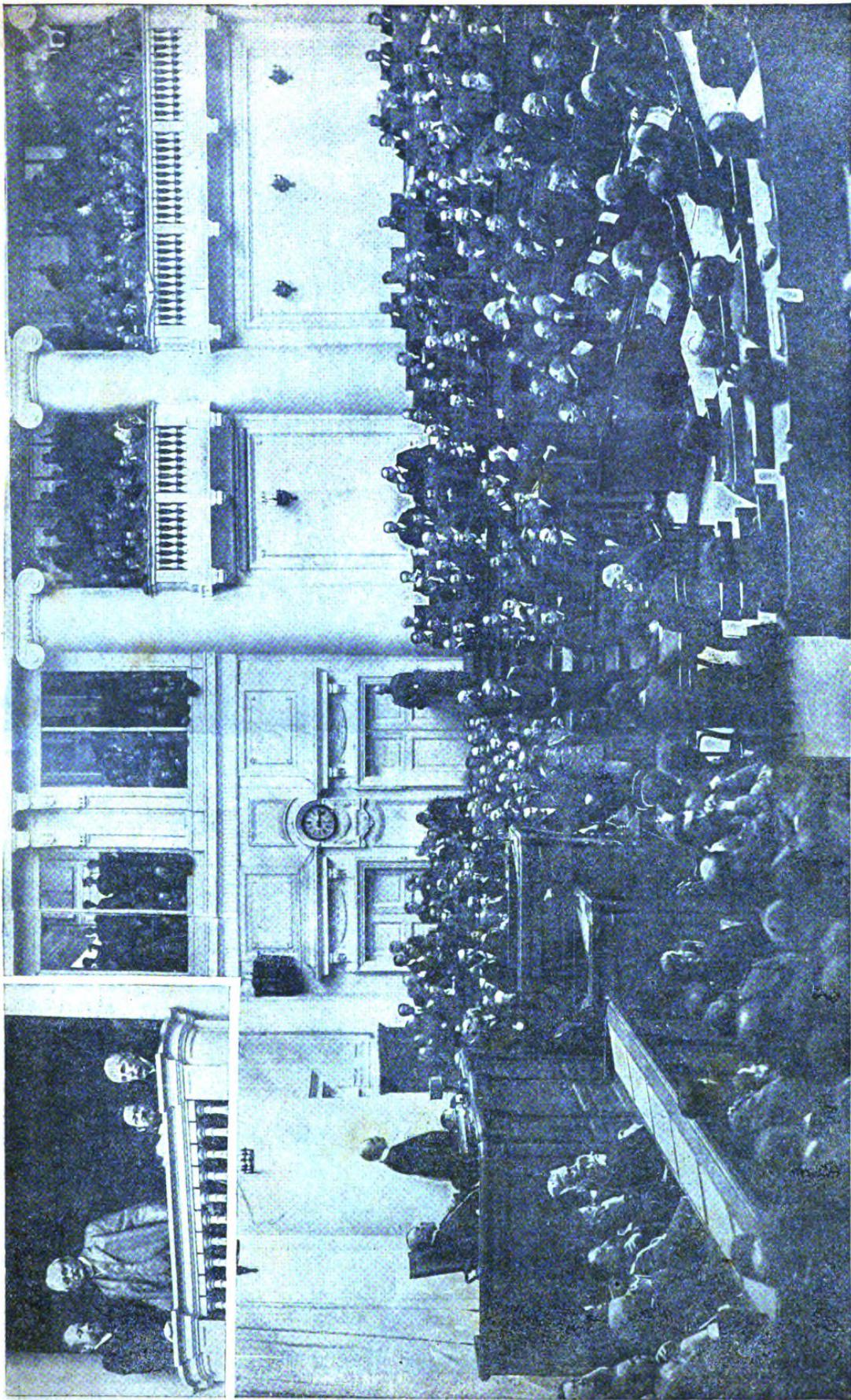
— А сколько вамъ лѣтъ, Ниночка?—спросилъ онъ вкрадливо, словно раздумывая и приближаясь къ задуманной цѣли.

Ниночка съ недоумѣніемъ взглянула: — Миѣ семнадцать... А что?

— Ничего я... только такъ я гляжу—думаю,—какая вы разбитая, понимаешь физически развитая... Вы-бъ свободно мѣ-

ГОРЖЕСТВЕННОЕ ЗАВЕРДЕНИЕ ДИПЛОМАТОМ. ДУМЫ ВОДВ ЧЕТЫРЕХЪ СОЗЫВУЮТЪ.

По фотографіи для «Огонька» К. Булга.

Речь представителя 2-й Гос. Думы Головина. — На первомъ сканьяхъ дѣлаго сектора сидятъ члены Временнаго Правительства. Крайній справа—радомъ съ министромъ финансовъ Терещенко—А. Ф. Керенскій съ рукой на перевязи. Въ посольской ложѣ (въ верхнемъ лѣвомъ углу): итальянскій посолъ маркизъ Карлотти, американскій посолъ сэръ Д. Франкль, французскій министръ спавленія Альбертъ Тома ч англійскій посолъ сэръ Дьюкенель.

На румынскомъ фронтѣ.

По фотографіи корреспондента «Огонька» съ театра войны

Румынскій премьеръ г. Братиано въ Петроградѣ.
Слева — румынскій посланникъ, г. Диаманди.

По фотографіи для «Огонька».

дл выйти замужъ... А вы что, вмѣстѣ съ Вѣрой въ гимназій въ одномъ классѣ?

— Да...

— И интересно учиться?

— Ой, дѣтъ!—оживилась Ниночка и почему-то зардѣлась. Она пристально посмотрѣла на Степана Ивановича, и ее интриговало, что съ ней говорить такой пожилой и серьезный мужчина. Она опять вспомнила, что онъ танцевалъ съ ней, и даже явилась какая-то гордость въ предпочтении, которое оказалъ ей отецъ по-други. Но самое лучшее было, что она не испытывала ни страха, ни робости; онъ не важничалъ, какъ другіе, и говорилъ все равно, какъ со взрослой. А въ самомъ разговорѣ, даже въ тонѣ голоса этого

большого и серьезнаго человѣка было что-то такое и манящее, словно вотъ-вотъ онъ откроетъ большую тайну которую она инстинктивно хотѣла узнать. Она видѣла, что стоитъ на какой-то грани; смутно понимала, что дверь къ этой тайнѣ, можетъ быть, къ святому святымъ, что было въ душѣ—и закрыта и

Эвакуація...

Уничтоженіе запасовъ вина нашими войсками. Чанъ съ виномъ, прострѣливается, и отверстіе расширяется при помощи штыка.

Манifestація войскъ ... Выборгскаго полна въ с. Михайловѣ по случаю завоеванной свободы.

замкнута; но что стоитъ придти человѣку съ ключемъ, открыть, и тогда все станетъ радостно, свѣтло, какъ торжество и ликующій праздникъ, когда солнце, свѣтъ и колокола и когда весь міръ кажется окаймленнымъ драгоценною рамою.

А въ то же время внутри происходитъ какой-то странный переворотъ, и Ниночка сама вдругъ ощутила все свое тѣло; а какое-то мгновенье назадъ она даже не испытывала его. И когда ощутила тѣло, и и явилось сознание особаго чувства, что она, Ниночка, дѣйствительно физически развита и настолько развита, что можетъ называться не дѣвочкой, а уже женщиной, женщиной, и отъ этого стало такъ хорошо, такъ приятно, что захотѣлось долго-долго говорить все объ одномъ, томъ же съ этимъ мужчиной, что стоя рядомъ, говорить такъ загадочно, а смѣяться такъ, какъ никто еще до этого и смѣялся на нее.

Чутьемъ женщины она смутно начала понимать, что она нравится, что ей сейчасъ любятъ, и что она сейчасъ составляетъ центръ вниманія. Ей безумно захотѣлось стать еще красивѣй:—Ах

Канцелярія батареи и жилище вольноопредѣляющихся подъ землею въ блиндажѣ, для котораго нестрашны разрывы 6-дюйм. снарядовъ. Позиція эта носитъ названіе «Лодина смерти», а расположеніе землянокъ называютъ «Визолой Морга» или «Клубомъ самоубійцы».

Огонь.

Послѣ значительнаго затишья наша артиллерія начала проявлять интенсивную дѣятельность. Воспроизводимый нами снимокъ сдѣланъ въ моментъ выстрѣла. Нѣмцы, много надѣявшіеся на «перехиры», были ошеломлены и открыли по нашимъ окопамъ беспорядочный огонь.

если бы была корона или вѣнокъ изъ цвѣтѣвъ! Или, какъ бы хорошо было бы сдѣлать что-нибудь красивое, смѣлое,—но что и какъ?—Ниночка какъ-то безсознательно наклонила голову на бокъ, какъ это дѣлала ее мама, когда говорила съ дядей Викторомъ, и слегка выпитила, нижнюю губку (это, вѣроятно, страшно красиво!) и, глядя на Степана Ивановича прищуренными глазами, стала слегка покачивать ногою. Ей хотѣлось, чтобы нога какъ бы случайно толкнула его ногу.

— А вы знаете,—начала она медленно и задорно,—а мнѣ всѣ говорятъ, что я еще совершенно ребенокъ, и шьютъ такія платья, какія носятъ дѣвочки...

— На,—неопредѣленно отвѣтилъ Степанъ Ивановичъ. Онъ смотрѣлъ на Ниночку, какъ бы понимая ея состояніе и читая въ душѣ, и чувствовалъ, что она сама чего-то ждетъ, можетъ быть, даже не зная, что это. Но для нея эта пора наступила, и она стоитъ передъ нимъ, какъ радостная невеста, покрытая блестящей вѣнчалъной фатой съ приколотыми вѣтками флеръ д'оранжа.

Онъ замѣтилъ и дѣланное кокетство, еще наивное, еще неумѣлое, наклонъ головы и вызывающую улыбку—и вся она была похожа на самочку, впервые охорашивающуюся передъ своимъ властелиномъ.

Съ минуту онъ былъ неподвиженъ. — Что вы смотрите такъ? — спросила Ниночка тихо и ожидала.

Но въ слухъ сдержатъ себя, Степанъ Ивановичъ приблизился къ ней вплотную и слегка стиснулъ ея маленькія, хрупкія, такія податливыя, какъ у дѣвочки, плечи...

— Милая!.. Какъ вы хороши... какъ вы прекрасны сейчасъ... Да такъ-бы, кажется, и расцѣловать васъ... о, Господи!..

— Ахъ! — вскрикнула отъ неожиданности Ниночки. Она невольно сдѣлала движеніе, шевельнулась юбка — и ладони полетѣли съ колѣнъ на землю.

— Ладони... упали мои ладони... — бормотала она и съ недоумѣніемъ развела руками. — Идите ваши руки... и подумайте только ладони!..

И столько было безпомощнаго въ ея головѣ, что Степанъ Ивановичъ невольно разжалъ руки, а Ниночка нагнулась и быстро-быстро начала собирать разсыпавшіяся цвѣты.

— Одинъ... два... еще вотъ... три... четвертый...

Степанъ Ивановичъ смотрѣлъ сверху внизъ. И такое у него было жуткое состояніе, и такъ онъ въ это мгновеніе возненавидѣлъ и себя и ее, что если бы въ рукахъ его сейчасъ былъ топоръ, онъ взялъ-бы и зарубилъ эту дѣвочку, уничтожилъ. Онъ поискалъ глазами.

— Ну, вотъ и всѣ! — поднялась съ земли Ниночка.

— Всѣ? — автоматически переспросилъ Степанъ Ивановичъ.

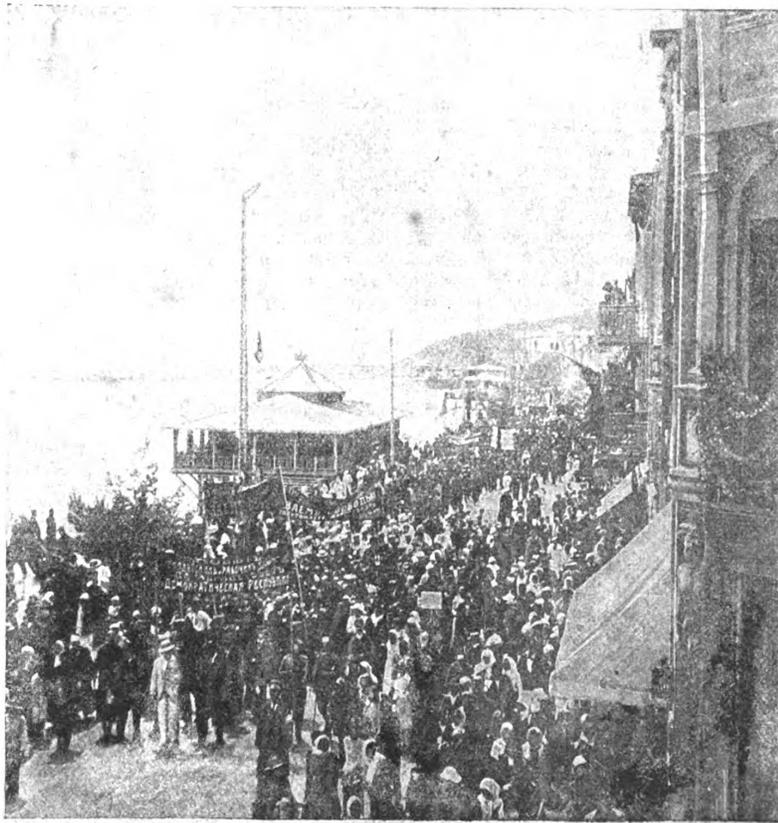
— Всѣ, всѣ, — показала ему ладони Ниночка, — а тѣ, вонъ, я не взяла,—

извинула она на оставшіеся цвѣты, они поломались... А правда, — ясно и доверчиво посмотрѣла она на Степана Ивановича, — правда жалко, когда ломаются молодые цвѣты... такіе хорошіе, славные цвѣты... И когда они ломаются, лежать или завянуть, то дѣлается тяжело и грустно. Зачѣмъ только мы рвемъ ихъ?..

— Да, — мрачно сказалъ Степанъ Ивановичъ, — вы правы, Ниночка, очень жалко цвѣты... — Въ глазахъ его блеснула злой огонекъ, — очень-съ жалко

Празднованіе 1 мая въ Ялтѣ.

По фотографіямъ корреспондента «Огонька» г. Андреева.

Шестые манифестантовъ по набережной.

Прощание воевать с б. главкомандующим армиями Северо-западного фронта ген. Рузского.

В в е р х у: Прїезд ген. Рузского. В н и з у: Ген. Рузского несут на руинах по Пскову.

молодые побѣды... хотя при сѣнокосѣ-сѣ мало съ этимъ считаются.

Ниночка удивленно посмотрѣла на Степана Ивановича. Ее поразило его жестокій тонъ. Она подумала, не обидѣла-ли чѣмъ-нибудь его. Потому ей сдѣлалось страшно.

— Такъ мы домой пойдѣмъ, да? — робко спросила она.

— А вы что, идете?.. Такъ идите...

— А вы?

— Я-то?.. Я посижу... я останусь... Да, идите-же, — почти крикнулъ онъ.

Ниночка вздрогнула и отшатнулась. Она не понимала ничего, но чувствовала, что ей ужасно жаль этого человѣка. Все время она ощущала то особенное, такое необычное прикосновение, когда онъ стиснулъ ее плечи. Такъ это было хорошо, такъ приятно, и хотѣлось, чтобъ опять стало такъ. Но она боялась взглянуть на Степана Ивановича. Какой-то онъ былъ теперь хмурый, чужой и совсѣмъ не тотъ, что былъ раньше.

— Идите-же, я говорю вамъ! — уже рѣзко сказалъ Степанъ Ивановичъ.

Онъ опустился на траву и, обнявъ голову руками, словно застылъ. Ниночка пожалала плечами и опечаленная тихо пошла къ дорогѣ. Пройдя нѣсколько шаговъ, оглянулась, но онъ все сидѣлъ такъ-же.

— Боже мой, но чѣмъ-же я его оскорбила? — Чуть не плакала Ниночка, и ей хотѣлось вернуться назадъ, сказать ему что-нибудь хорошее и попросить прощенья.

— А-а-а! — послышалось гдѣ-то вдали.

— Ага! — зрѣнко крикнула Ниночка. Это искали ее. И отъ этого зова ей стало легче. Она ускорила шаги и подошла къ

косогору. Вокругъ за пригоркомъ послышались голоса. Степанъ Ивановичъ поднялся, стиснулъ палку, потомъ ударилъ палкой объ дерево, переломивъ ее на двое.

Онъ постоялъ нѣсколько секундъ въ недоумѣнн, махнулъ рукой и пошелъ въ чащу лѣса. Ему хотѣлось, чтобъ его сейчасъ никто не слышалъ и не видѣлъ.

VI.

Уже солнце начинало садиться, когда Степанъ Ивановичъ возвращался въ усадьбу.

— Весна! — глядѣлъ онъ на небо, — обновление природы. А почему у меня нѣтъ никакого этого обновления. Все на землѣ обновляется съ каждой весной, лишь одинъ человѣкъ остается такимъ, какъ былъ раньше. Даже змѣи мѣняютъ кожу! И чѣмъ ближе подходилъ онъ къ дому,

тѣмъ больше не хотѣлось ему идти туда.

— А что, — вдругъ явилась у него внезапная мысль, — что, если я пойду къ дому, а ко мнѣ выскочатъ дѣти, Вѣрочка, Петръ и другіе... что будетъ, если они мнѣ закричатъ: — папа, папа, а у насъ мама умерла...

У Степана Ивановича захватило дыханье.

— Что будетъ тогда? — задалъ онъ безмолвный вопросъ, и мысль его тотчасъ же перескочила на Ниночку: — согласна ли она, а? Ну и что же такое, что молодца, кому какое дѣло, что рѣчь похоть!.. Смияться будутъ? Ну и пусть смеются. Зато какая это будетъ радость: въ начнется новая жизнь, новая постройка новый, молодой, вольный домъ... Да въ это же будетъ праздникъ, великій и ликующій праздникъ весны!..

Мысли Степана Ивановича шли дальше и онъ думалъ о томъ, какъ будетъ свадьба, потомъ подумалъ, какъ будутъ роженны и жена въ гробу... Можетъ быть самъ онъ понесетъ, потомъ встанетъ обло, даже всплакнетъ, смахнувъ одну-другую слезу... на дѣтяхъ трауръ, а на рукахъ въ темный крѣпъ.

Неожиданно сдѣлалось что-то внутри, и стало почему-то безконечно жалко жемъ жалко стало и себя, и Петра, и Вѣрочку, и — что было самому странно — жалко стало и Ниночку, которая, какъ ландышъ, и у которой вся жизнь впереди!..

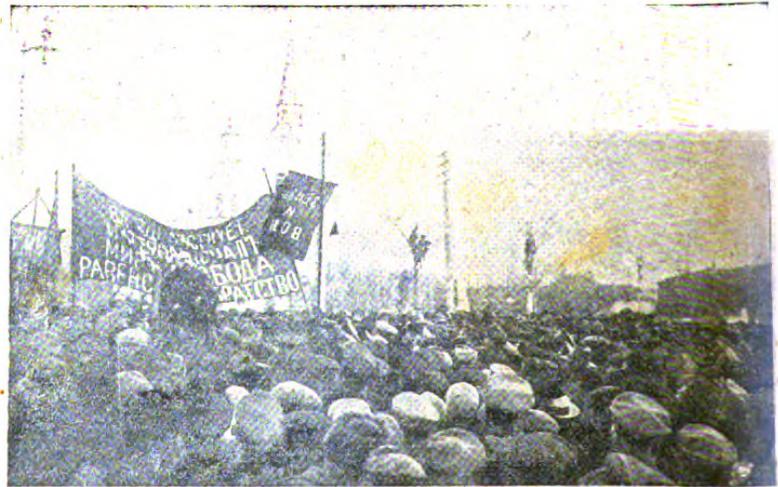
— Не надо... не надо этихъ мыслей... Пусть будетъ, какъ будетъ, и пусть живутъ всѣ, какъ живы я самъ... Не стрѣлить же людей и не подсыпать имъ въ пищу отраву!..

Степанъ Ивановичъ поднялся на ступени и вошелъ на веранду. Тамъ уже обѣдали. Казалось, всѣ были въ сборѣ, жена, Вѣрочка, Петръ, студентъ и другіе. Всѣ были заняты собой и никто не обратилъ на Степана Ивановича вниманія. Онъ взглянулъ на мѣсто въ концѣ стола, гдѣ обыкновенно сидѣла Ниночка, но тамъ ее не было.

— Что это значить? — подумалъ онъ, чувствуя закрадывающуюся тревогу. Тамъ салфетка лежала на тарелкѣ. Вышла-ли куда Ниночка или не возвращалась еще? Но гдѣ же она?..

Мучимый догадками, Степанъ Ивановичъ сѣлъ за столъ и разсѣянно принялся за ѣду. Ждалъ, что жена спроситъ, — гдѣ былъ — и было неприятно, что придется сказать неправду. Но около нея стоялъ приказчикъ. Вѣроятно, только что вернулся изъ города. Возлѣ жены лежали сѣ-

Въ „Шлиссельбургской республикѣ“.

Предсѣдатель С. Р. и С. Д. чл. Гос. Думы Н. С. Чхеидзе, прїехавшій для переговоровъ съ членами «Шлиссельбургской республики», произноситъ рѣчь на митингѣ на Базарной площадкѣ. Въ Шлиссельбургѣ, распропагандированномъ безответственными агитаторами, объявила Шлиссельбургскій уѣздъ отнынѣ автономной единицей и стали заводить собственные порядки вплоть до распоряженія вселенной собственности. Давъ улаженіе

Празднованіе 1-го мая въ Москвѣ.

По фотографіямъ московскихъ корреспондентовъ «Огонька».

Толпа у автомобиля, съ котораго раздають бесплатно брошюры, объясняющія значеніе первомайскаго праздника.

ты, и, просматривая какія-то бумажки, бросивъ бѣду, она произвела подсчетъ.

Степану Ивановичу ничего не шло въ ротъ, и онъ мучительно изыскивалъ способы, какъ бы и кого спросить, что про Пиночку... Ужъ не испугалъ-ли онъ ее тамъ въ лѣсу? И не уѣхала-ли она со-всѣмъ, не дождавись его и не желая проститься? Но тогда зачѣмъ она сдѣлала это—рѣдь это такъ больно, и это просто

безуміе. Неужели у нея хватило жестокости порвать все такъ сразу, внезапно и навсегда?..

— А въ сущности, что порвать?—подумалъ Степанъ Ивановичъ,—развѣ что было? Нѣтъ, это что-то не то... Степанъ Ивановичъ протянулъ руку за хлѣбомъ и, стараясь говорить небрежно, какъ между прочимъ, спросилъ Вѣру... И когда спросилъ, то ясно услышалъ, какъ голосъ

его дрогнулъ и сдвинулся. Ему показалось, что всѣ замѣтили это.

— Вѣрочка... А гдѣ-же эта... какъ ее Нина?

— Что-ты,—отрываясь отъ бесѣды съ студентомъ, спросила Вѣра:—ахъ ты про Нину? Такъ я, право, не знаю, голова у ней болитъ что-ли... Пришла съ прогулки и почему-то расплакалась... Наверное, съ лѣвой ноги встала сегодня...

— Фокусы! — презрительно добавилъ Петръ и налилъ себѣ вторую порцію окрошки.

— Нина Павловна влюбилась въ Петра,—расхохотался студентъ, а Петръ вспыхнулъ и вскочилъ со стула. На часъ такая перебранка и ссора. Вѣра стала успокаивать того и другого.

Степанъ Ивановичъ испытывалъ волненье. Онъ внимательно посмотрѣлъ на Вѣру, у которой на лбу вкочилъ прыщикъ, посмотрѣлъ на Петра, у котораго сегодня какъ-то особенно оттопырились уши, отчего его голова, стриженная и длинная, словно уменьшилась и заострилась къ затылку; потомъ взглянулъ на жену, что сидѣла за счетами и, забывъ про окрошку, спорила съ приказчикомъ о какомъ-то прочетѣ.

— Нѣтъ спасенья, — прошепталъ Степанъ Ивановичъ, — тихій ужасъ, сплошной, тихій ужасъ, и всѣ чужіе, чужіе, чужіе!..

Онъ поднялся, положилъ ложку, вытеръ салфеткою ротъ, бороду и усы и, не глядя ни на кого, прошелъ въ кабинетъ.

И когда входилъ туда, то показалось, что мелькнула какая-то тѣнь, послышался шорохъ и мягкіе, удаляющіеся шаги.

Онъ открылъ дверь въ кабинетъ, но тамъ не было никого.

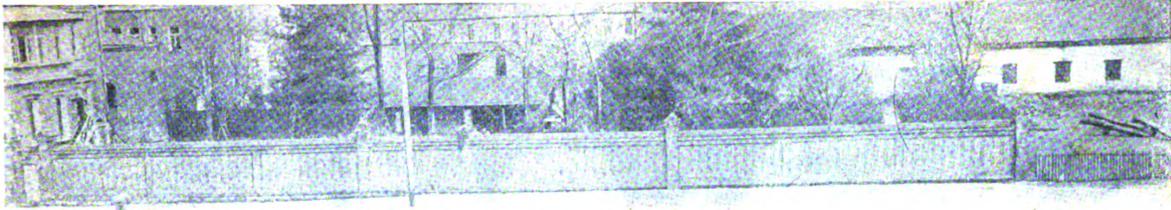
— Что за странность!.. Ужъ не галлю-

Манifestація группы соц.-рев. центрального района на Трубнои площади.

Торжество провозглашения члена Гос. Думы М. А. Караулова войсковым атаманом Терского казачьего войска.

По фотографии для «Огонька».

Вновь избранный (впервые послѣ сотенъ лѣтъ) войсковой атаманъ Терскаго казачьяго войска членъ Гос. Думы М. А. Карауловъ принимаетъ въ казачьемъ кругу атаманскую насѣку—знакъ власти войскового атамана.

приворочивать-ли я началъ? — проговорилъ вслухъ Степанъ Ивановичъ.

Все было какъ будто-бы на своемъ мѣстѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ было что-то не то, словно тутъ въ комнатѣ находился другой: кто-то находился, а потомъ спрятался гдѣ-то и высматриваетъ оттуда пристально, неуклонно...

Степанъ Ивановичъ подошелъ къ столу—и вдругъ вся кровь бросилась ему въ голову. Былъ моментъ, что ему казалось, онъ не выдержитъ, закричитъ — и, самъ пугаясь этого звука, онъ какъ-то неловко приложилъ руку ко рту. И дышать быстро-быстро, будто только что взбѣжалъ на высокую гору.

На столѣ въ металлической вазочкѣ, гдѣ были ручки, карандаши, циркули и сургучь—все это было свалено и сдвинуту въ сторону. А въ самой вазочкѣ стоялъ большой пучекъ свѣжихъ ландишей, аккуратно перевязанныхъ розовой ленточкой.

Степанъ Ивановичъ глядѣлъ на вѣстку и узнавалъ—и тогда ему стало страшно, словно все теперь было кончено, онъ не решалъ какую-то черту, а все пути были свады отрубаны.

— Такъ неужели?..—Онъ боялся закончить мысль.—такъ неужели-жь... О Господи!.. О милостивый мой Боже!..

Онъ потеръ голову, протянулъ дрожащую руку къ цвѣтамъ, вынулъ ихъ и долго глядѣлъ. Потомъ, крадучись и огляды-

Группа русскихъ солдатъ, бѣжавшихъ въ Петроградъ изъ германскаго плѣна.

Съ неимоверными усиліями имъ удалось бѣжать изъ этой неволи на родину. Много приходилось имъ переплывать глубокихъ канавъ, наполненныхъ липкой грязью, много обжигаться отъ электрическаго тока, пущеннаго немцами въ разныхъ мѣстахъ по проводочнымъ загражденіямъ, но все же лишь нѣкоторымъ не довелось увидѣть свою родину землю,—

остальные добрались благополучно до голландской границы, а оттуда переправились въ Англию. Тамъ солдатамъ съ благодарностью отаиваются объ англичанахъ, которые встрѣтили и кормили ихъ столь заботливо, что въ нѣсколько дней бѣглецы поправились и съ радостной душой могли продолжать путь домой.

ВЪ ТАШКЕНТѢ. — Встрѣча комиссаровъ, назначенныхъ Временнымъ Правительствомъ для Туркестанскаго края.

ваясь, какъ воръ, боясь, чтобъ его никто-никто не увидѣлъ, ни одинъ человекъ, ни единая-единственная душа, ни одно существо на свѣтъ, на цыпочкахъ подошелъ къ несгораемому шкафу, раскрылъ его и быстро положилъ въ металлическій ящикъ то, что было дорого, какъ сокровище, какъ драгоценность.

Когда заперъ шкафъ, то провѣрилъ еще—точно-ли заперъ. Остановился неподвижно съ ключами въ рукахъ. Сильно билось сердце. Было радостно за завтрашній день, и было жутко его, этого радостнаго и весенняго дня. Было такъ жутко, что хотѣлось закрыть глаза и бѣжать, но бѣжать не въ сторону, а навстрѣчу, пусть тамъ были миллионы преградъ и

препятствій, потому что теперь уже было перекинуть мостъ; а пропасть, которую прежде казалось такъ невозможно перейти, теперь превратилась въ радостный путь. И перспектива будущаго въ какихъ-то радужныхъ краскахъ рисовала приближающийся свѣтлый праздникъ весны.

С. Шиманскій.

ТРЕЩИНА

Разсказъ О. Снѣгиной.

Дни послѣ операціи тянулись медленно, весенне-свѣтлые, всѣ наполненные тихой радостью.

Съ утра Татьяна Ивановна садилась въ покойное кресло у окна. Здѣсь пила чай, читала. Но больше глядѣла на купола лавры, залитые весеннимъ солнцемъ. Вдаль изъ окна была широкій и совсѣмъ не стелющийся: маленькіе домики впереди, потомъ монастырская ограда, монастырскія здания, окруженныя деревьями. Три лаврскихъ кладбища сливались вмѣстѣ и казались просто большимъ садомъ. Вдали, на горизонтѣ неясно чернѣлъ лѣсъ.

Татьяна Ивановна любила видъ изъ окна, напоминавшій ея родину, богатый монастырями Псковъ. Изъ-за этого вида сохраняла квартиру, слишкомъ большую для нея одной.

И теперь, послѣ болѣзни, послѣ пережитаго страха смерти, послѣ долгихъ страданий отдыхала, глядя на вѣчно-мирную картину.

Но было другое, большее, что наполняло душу тихой радостью: письмо, полученное вскорѣ послѣ операціи. Оно постоянно лежало въ книгѣ, которую читала Татьяна Ивановна. И каждый день она брала его въ руки, улыбалась, какъ другу. Приходили и другія письма, такія же вѣжныя, полныя тѣмъ же чувствомъ, но это было дорожее всѣхъ: оно первое воскресило умершее счастье.

Татьяна Ивановна давно знала письмо наизусть и, не перечитывая, только любовно глядѣла на него, спокойная, отдыхающая.

Два послѣднихъ года жизни съ мужемъ до того, какъ онъ ушелъ на войну, были безконечной пыткой. Татьяна Ивановна шагъ за шагомъ наблюдала его охлажденіе къ ней и расцвѣтъ новаго чувства — къ той женщинѣ, незнакомой, таинственной и страшной. Видѣла, какъ Владимиръ Петровичъ постепенно все больше и больше пропалъ подъ ея власть, какъ онъ мѣнялся подъ влияніемъ новаго чувства.

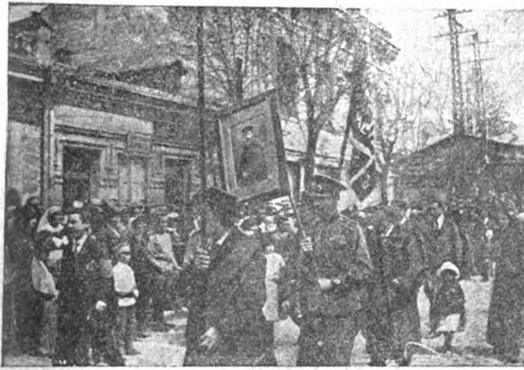

ВЪ ТОМСКѢ. — Молебствіе и освященіе революціонныхъ знаменъ отправляемыхъ на фронтъ маршевыхъ ротъ. Молебствіе совершалъ еп. Анатолій на Соборной площади.

По фотографіи корреспондента «Огонька» г. Бугославскаго.

Празднованіе 1-го мая въ провинціи.

По фотографіямъ корреспондента «Огонька» г. Адамовича.

ВЪ СИМФЕРОПОЛѢ.

Шествіе съ изображеніемъ лейтен. Шмидта, поднявшаго знамя возстанія за свободу въ черноморскомъ флотѣ въ 1905 году.

Шествіе крымскихъ татаръ по улицамъ города.

Сколько жестокости было тогда въ его стремленіи оградить свою новую страсть отъ всякихъ посягательствъ. И все дальше, дальше уходилъ отъ жены, какъ будто вовсе не было долгихъ лѣтъ любви, близости, общей жизни.

Даже въ послѣдніе дни передъ отъѣздомъ на войну у него не оставалось времени для нея. Разлука съ той женщиной, необходимостью оторваться отъ этого оупьянѣнія — вотъ что его угнетало. Всѣ эти послѣдніе дни Татьяна Ивановна томилась душевной незанятостью къ женщиной, разбиравшей ее счастье.

Но теперь отъ ненависти не осталось и тѣда. Какъ странно! Стояло ей, Татьянѣ Ивановнѣ, серьезно заботѣ, подвергнуть опасной операци — и вотъ совершилось чудо. Владимиръ Петровичъ, прикованный тамъ, вдали, къ лазарету, поглощенный ответственной работой врача, — три первыхъ извѣстій о болѣзни жены, сталъ какъ-то особенно волноваться. Сколько писемъ, телеграммъ присылалъ онъ въ тревожные дни. Казалось, вопросъ о выздоровленіи или смерти женщины, которую онъ пересталъ любить, — для него важнѣе всего на свѣтѣ.

И когда ея сестры, подготовлявшія Владимира Петровича къ возможности рокового исхода, написали ему, что опасность миновала, онъ прислалъ это письмо. Да, онъ писалъ, что очнулся отъ тяжелого сна, что опасность потерять жену открыла ему глаза. Онъ попрежнему любитъ только ее, вѣчной, единственной любовью... а то... все то было ошибкой, дурманомъ. Трөгательнo, какъ ребенокъ, просилъ прощенья и обѣщалъ загладить свою вину.

... «Но можешь ли ты простить меня?» Татьяна Ивановна, свѣтло улыбаясь, воспоминаетъ эготъ вопросъ. Простить! Никогда, ни минуты не видала она Владимира. Только ту женщину, только ее, невѣдомую, хищную, беспощадную. И эготъ врагъ теперь побѣжденъ.

А впереди новая жизнь, свѣтлая, прекрасная. Да будетъ благословенно страданіе и эга бѣдая операционная, гдѣ Татьяна Ивановна надѣялась найти смерть, уничтоженіе, а нашла надежду и воскресеніе. Да будетъ благословенна боль, и дни, и ночи мученій. Все это было нужно, все это строило новое счастье, большее, чѣмъ прежде.

***

— Тамъ какая-то незнакомая барыня... Хочетъ видѣть васъ по важному дѣлу.

Татьяна Ивановна, съ трудомъ отрываясь отъ своихъ грезъ, долго, не понимая, глядитъ на смуглое лицо горничной.

— Ко мнѣ ли? Не ошибка ли эго, Катя? Вы говорили, что я больна?

— Говорила. Очень просить повидать.

— Ну, что-жъ, если такъ необходимо, пусть войдетъ.

Татьяна Ивановна со вздохомъ складываетъ письмо, опускаетъ на столъ, гдѣ горкой лежатъ всѣ другія письма. Было такъ радостно перечитывать ихъ, думать о томъ свѣтломъ, огромномъ, что они несутъ съ собою. Надо оторваться отъ этихъ успокаивающихъ мыслей. Но, конечно, ненадолго.

Она развѣянно глядитъ на входящую въ комнату даму. Незнакомое блѣдное лицо,

большіе черные глаза, красивый овалъ, яркія губы...

Вдругъ Татьяна Ивановна вздрагиваетъ отъ какого-то неяснаго жуткаго пречувствія. Эго лицо слишкомъ красиво, ужасно въ своей красотѣ, неоспоримой, побѣдной. И вся эта женщина — ея фигура, манеры — все въ ней такъ чудовищно-прекрасно.

Татьянѣ Ивановнѣ становится душно: шумить въ ушахъ. Она съ трудомъ слышитъ, что говорить вошедшая. Да и не надо ея имени, — его угадала Татьяна Ивановна въ первое мгновеніе. Но въ этихъ глазахъ — вѣсто торжествующаго смѣха — молба и отчаяніе, эготъ голосъ, такой богатый и звучный, — дрожить, срывается, въ этихъ движеніяхъ — робость, подавленный страхъ оскорбленія.

«И ее я такъ ненавидѣла. Она каза-

ВЪ ОДЕССѢ. — Живая группа на пьедесталѣ сверженнаго памятника: матросъ, рабочій и солдатъ. У подножія — ремесленники разныхъ цеховъ.

По фотографіи корреспондента «Огонька» г. Маслякова.

Въ дни свободы въ провинціи.—Въ Херсонѣ.

По фотографіямъ корреспондента «Огонька» г. Брянскаго.

Приводъ къ присягѣ менонитовъ полковникомъ М. Константиновымъ, начальникомъ гарнизона г. Херсона.

лась мнѣ безпощадной, угрожающей... А она боится... и плачетъ, какъ я... И такая же безпомощная».

Точно сквозь сонъ слушаетъ Татьяна Ивановна:

— Простите... Я знаю, что это дерзко... Но я такъ измучилась. Два мѣсяца — никакихъ извѣстій. А не знаю живъ ли Владиміръ Петровичъ. На все мои письма — никакого отвѣта. И вотъ я рѣшилась. Повѣрьте, я долго колебалась... Это безумно, дико... Но онъ говорилъ мнѣ, что вы все знаете... И вы женщина... вы поймете...

Но вдругъ вся душа гостя возмущается противъ этого добровольнаго униженія. Она встаетъ съ пятнами стыда на щекахъ. Голосъ ея крипитъ, напрягается.

— Скажите мнѣ только одно: имѣете ли вы извѣстія о немъ? Живъ ли онъ? Пишетъ ли онъ вамъ?

— Да. Два дня тому назадъ было письмо, — тихо, смущенно отвѣчаетъ Татьяна Ивановна. — Онъ здоровъ... все благополучно.

— Здоровъ? Правда?

Буйная радость вспыхиваетъ въ черныхъ глазахъ гостя, точно молнія озаря-

етъ лицо. Лишь на мигъ. Она глядитъ на горку писемъ на столѣткѣ, глядитъ взглядомъ, который кажется сейчасъ зажжетъ эти листки. Потомъ тѣнь падаетъ на ея лицо, оно блѣднѣетъ, становится старымъ, угрюмымъ.

— А я чуть не сошла съ ума. — Улыбается она, и эти слова звучатъ, какъ стонъ. Потомъ слегка наклоняетъ голову, идетъ къ двери, останавливается на мгновеніе, бросаетъ вынужденно, неискренне, со взглядомъ ненависти:

— Простите.

***

1 й митингъ поваровъ и кухарокъ.

Не одна только барская прислуга собралась на митингъ—тутъ же оказались и барыни, и гимназисты и много другой публики, принявшей участіе въ невиданной процессіи.

Весення наводненія въ провинці.—Въ Кременчугъ.

По фотографіямъ корреспондента «Огонька» г. Сѣдлецкаго.

1) На улицахъ города. За недостаткомъ лодокъ—передвиженіе и спасаніе людей и имущества производится на плотахъ. 2) Неудачная попытка задѣлать прорванную плотину. 3) Спасенное имущество затопленныхъ жителей.

Истинно стихійное бѣдствіе разразилось надъ Кременчугомъ въ нынѣшнемъ году. Разливъ рѣки и напоръ воды, вследствие прорыва заградительной плотины въ пяти верстахъ отъ города, оказались столь

роковыми, что не обошлось безъ человѣческихъ жертвъ. Дожливая погода рѣшила участь Кременчуга, и вода, прорвавъ 10-го апрѣля плотину, постепенно въ теченіе трехъ дней затопила городъ, за

исключеніемъ небольшой площади въ центральной части. При восстановленіи плотины, а также въ обрушившихся домахъ утонуло нѣсколько десятковъ человѣкъ. Убытки города достигаютъ 8 мил. рублѣй.

Ушла. Слышно, какъ стукнула дверь передней. Все кончено... Но сердце Татьяны Ивановны все еще колотится неистово, обезумѣвшее отъ волненія.

Та женщина сама пришла къ ней, унылая, растоптанная, брошенная... Дряблѣница! Да... но что же? Почему стало такъ тяжело? И потускнѣло тихое, ясное счастье? Откуда эта боль и этотъ ужасъ?

Татьяна Ивановна беретъ въ руки письмо — то, любимое, дорогое, принесшее воскресенье, — и тотчасъ опускаетъ его въ корзину.

Трещина, почти незамѣтная трещина въ голубомъ куполѣ высокаго зданія. Куполъ еще сияетъ лазурью, еще красуется высоко надъ землей... Но... что знаетъ... можетъ быть, завтра онъ рухнетъ.

Невзвисти къ этой женщинѣ уже нѣтъ. Есть скорѣе жалость, обида — за нее и за себя. Она не та, что грезилась. Нѣтъ

побѣднаго смѣха въ ея глазахъ, нѣтъ утѣренности въ себѣ, нѣтъ хищной нѣжности.

«Она такая — же: то — же страданіе, тотъ — же страхъ. Вчера отбросили меня, сегодня ее... Вчера побѣдила ея красота, сегодня — моя заброшенность, мое страданіе, мое одиночество. Но жестокость и къ ней, и ко мнѣ одинакова. А если такъ, то...».

Татьяна Ивановна комкаетъ письмо и плачетъ, плачетъ. Какъ удержать тебя — тихая радость, обняющая надежда? Плачущими глазами жадно пробѣгаетъ отдѣльные фразы. Но тускнѣютъ слова, теряютъ недавнюю силу и власть...

Чуть замѣтная трещина прорѣзаетъ лазурь купола. Но, быть можетъ, онъ обвалится завтра.

О. Снѣгина.

Г Р О З А

Не наступь по темной тучѣ
Хлещетъ огненнымъ кнутомъ,
Разсыпая вихрь летучій,
Разсыпая въ небѣ громъ.

То гроза надъ жизнью сонной
Разразилась въ тишинѣ,
Чтобъ развѣять мракъ бездомный,
Темъ въ родимой сторонѣ.

Закружилась въ вихрь птицы,
Зашумѣлъ зеленый лѣсъ,
И грохочутъ колесницы
Въ темномъ хаосѣ небесъ...

Я. Бердниковъ.

Я ВЫСЫЛАЮ ДАРОМЪ

СЛАБЫМЪ, НЕРВНЫМЪ, УПАВШИМЪ ДУХОМЪ ЖЕНЩИНАМЪ.

5000 ПАКЕТОВЪ ПИТАТЕЛЬНОГО СРЕДСТВА „АЛЬБУКОЛА“.

Рита Нельсонъ вновь приводит въ изумленіе женщинъ, предлагая раздать 5000 (пять тысячъ) пакетовъ удивительнаго препарата, называемаго „АЛЬБУКОЛА“, приносящаго такую громадную пользу слабымъ и нервнымъ женщинамъ. Одинъ разъ она уже дѣлала подобное предложеніе и ослатила тысячи женщинъ, страдавшихъ нервною и многими болѣзнями, которыя заставляють женщинъ чувствовать себя несчастными и доводить ихъ до отчаянія.

Рита Нельсонъ посвятила всю свою жизнь на то, чтобы помогать своимъ страдающимъ сестрамъ. Она сама одно время страдала такъ, какъ могутъ страдать только женщины и, если бы не это удивительное, сильно сконцентрированное, питательное вещество, которое сама судьба дала ей въ руки, она навѣрное осталась бы развалиной, слабой, изнуренной женщиной, и только одна смерть могла бы ее избавить отъ ее многочисленныхъ страданій.

Когда уже ни лѣкарства, ни различныя укрѣпляющія средства не помогали, она узнала это средство, но вѣсть съ тѣмъ великолѣпно дѣйствующее средство укрѣпляющее нервы. Въ отчаяніи она его испробовала и до сего дня благодаритъ Бога за этотъ рецептъ, который вернулъ ей ее нервы, силы, крѣпость ума и тѣла и привелъ къ тому, что она стала теперь сильной и очаровательной женщиной.

Вначалѣ она приготавливала этотъ удивительный препаратъ для собственнаго потребленія въ тиши своей комнаты, но результаты, достигнутые этимъ средствомъ, были столь поразительны, что она рѣшила дать его нѣкоторымъ своимъ знакомымъ. Громадная и быстрая польза этого продукта, сказавшаяся на другихъ женщинахъ и дѣвущкахъ, бывшихъ слабыми и нервными, заставила ее написать и сообщить широкой публикѣ объ удивительномъ дѣйствіи этого препарата. Тысячи женщинъ обратились къ ней съ просьбой выслать пробный пакетъ и, хотя она была женщина далеко не богатая, но она охотно высылала пробу всѣмъ, кто только ей писалъ. Вскорѣ отослано стало поступать къ ней лестные отзывы и фотографіи отъ благодарныхъ пациентокъ, и она теперь наслаждается при мысли, что она могла помочь столь многимъ страдающимъ женщинамъ.

Если Вы, дорогая читательница, страдаете какой либо слабостью, нервною, истощеніемъ, недостаткомъ жизненной энергии, или если Вамъ недостаетъ здоровья, полноты, чистой крови, если Васъ какая либо болѣзнь приводитъ въ отчаяніе, если Вамъ не хватаетъ юношеской свѣжести, магнетической вѣнственности, дѣлающей столь привлекательной женщину, то напишите Ритѣ Нельсонъ и просите ее выслать Вамъ пробный пакетъ этого величайшаго изъ всѣхъ, когда либо открытыя препаратовъ для слабыхъ и нервныхъ женщинъ.

Вамъ нужно только сообщить въ открытомъ письмѣ Вашъ точный адресъ, имя, отчество и фамилію, и Вы получите **СОВЕРШЕННО ДАРОМЪ**, безъ всякихъ для Васъ расходовъ, пакетъ питательнаго средства „АЛЬБУКОЛА“. Никто не встрѣтитъ отказа. Скажите всѣмъ Вашимъ знакомымъ женщинамъ, которыя страдаютъ подобно Вамъ, чтобы онѣ написали письмо Ритѣ Нельсонъ, потребовавъ пакетъ „АЛЬБУКОЛА“. Сдѣлайте это немедленно, пока еще имѣются эти пробные бесплатные пакеты. Можеть быть Вамъ никогда болѣе не представится такого счастливаго случая. Пишите сегодня-же. **ПРОСИМЪ МАРКЪ НЕ ПРИСЫЛАТЬ.**

РИТА НЕЛЬСОНЪ, Москва, Б. Лубянка, Фуркасовскій пер., д. Кононовой. Отд. 104 ВТ.

Железные руководства

поступить въ школу прапорщиковъ? п. 80 к. 2) Какъ сдѣлать шофферомъ мотоциклистомъ? п. 60 к. 3) Какъ сдѣлать мотостроителемъ? п. 60 к. 4) Какъ поступить въ милицію? п. 50 к. 5) Какъ поступить въ техникумъ? п. 50 к. 6) Какъ поступить въ техникумъ-строителямъ? п. 85 к. 7) Какъ сдѣлать техникомъ-обслѣдчика? п. 75 к. 8) Полный курсъ электротехники—6 р. 90 к. 9) Энциклопедическій словарь въ одномъ томѣ, п. 6 р. 50 к. Налож. платж. не высылать. Москва, Б. Гнѣздинскій, 10, издательству Д. М. Куманова.

Энциклопедія

для всѣхъ,

съ иллюстраціями, портретами и рисунками въ текстѣ. Така новая эпоха свободнаго развитія русскаго народа. Все тайное вымѣ. Создается новая свободная русская литература, новая громадная ованъ слова и мысли. Теперь каждому, будь онъ офицеръ или солдатъ, ить или рабочій, священникъ или чиновникъ, торговецъ или служащій безъ исключенія необходимо обстоятельное руководство, въ конѣ бы могъ пошерстить всѣ свѣдѣнія о новыхъ словахъ и новыхъ интересующихъ въ настоящее время каждого гражданина. Эта энциклопедія будетъ состоять изъ двѣнадцати четырехъ отдѣловъ. Сюда биогрaфии и портреты не только всѣхъ борцовъ за свободу, но и тѣхъ, кто сдѣлалъ реакціи и тираніи, которые провозгласили время эту свободу. Видное мѣсто займутъ программы всѣхъ партій (ны), избирательныхъ системъ, свѣдѣнія изъ политической экономіи, законодательства и проч. Обзоръ революціонныхъ движеній въ разнѣхъ въ различныхъ странахъ удалено особое вниманіе. Не оставимъ странности и юростата высшихъ сферъ. Сюда войдутъ также ии разныхъ старцевъ, шестуновъ и клериковъ вроде Распутина, Галагодора, Питирима и др. Всѣ 24 отдѣла составятъ большой томъ, ищій громадный интересъ для чтенія и справокъ. Цѣна за все съ доставкой и пересылкой 7 руб. Въ разсрочку и наложеннымъ не высылается. Изданіе спѣшно печатается, и первые отдѣлы выйдутъ уже Малъ сего года. Рекомендуемъ подписываться заблаговременно, деньги адресовать:

ОСКВА, Тверская, 24/10, издательство Т-во «Анционеръ». Приглашаются повѣстники агенты и представители.

афія С. М. Пропера, Петроградъ, Галерная ул., соб. д. № 40.

Альбомъ Парижскихъ Красавицъ

серіи 20 карточекъ, выслано съ наложеннымъ платеж. за 8 руб. съ пересылкой. Москва, 3-я Тверская-Ямская, д. 30, н.в. 60. Е. Д. Урусовъ.

Чѣмъ замѣнить мясо?

Руководство къ приготовленію мяса съ сытъ и дѣшев. бѣздъ безъ мяса. Цѣна 1 р. МОСКВА, Изд-ство „Лучъ“. Печатническій пер. 18/3.

Машинки

для стрижки волосъ, необх. въ кажд. семьѣ. Цѣна 8 р.—Запасъ пруж. изъ инъ 25 к. шт. — Англ. бритва 6 р. шт. К. ЭКСЦ-ЛЪЗІОРЪ, Москва, вл. 23/314.

ПИСАТЬ

КРАСИВО, СКОРО и ГРАМОТНО
КАЛЛИГРАФІЯ 6 отдѣл. Рондо-Готикъ, Батардъ и пр. 206 рис. и черт. въ текстѣ, транспарант. и тетрадо-держат. Новѣйш. самоучит. для испр. почерка въ короткій срокъ. Главн. вним. обраш. на конторск. скороп. Цѣна за полный курсъ съ прилож. и перес. 2 р.
ПРАВОВИСАНІЕ русск. языка. Новѣйшій руковод. для самообразов. со справочн. словаремъ всѣхъ словъ, съ буквою Ъ. Всѣ правила легко усваиваются помощью 121 упражнен. и При послѣд. налож. плат. на 25к. дор.
Адр.: Книгоизд. „КРУГЪ САМООБРАЗОВАВІЯ“, Петроградъ, Б. Ружейная, 7—41.

ИЗУЧАЙТЕ ЯЗЫКИ!

Это полезно, даетъ вѣрный усвоеніе хлѣба, а изученіе очень легко. Самоучители итальянскаго и польскаго языковъ—2 р. 25 к. каждый, нѣмецк. фрѣан. англ. и латинскій по 1 р. 75 к. каждый, финскій, шведск. татарск., персидск., турецк., норвежск., сербск., чешск. и испанскій по 1 р. 25 к. каждый. Адр.: Москва, Б. Гнѣздинскій, 10, изд-ству Д. М. Куманова. Нал. и др.

ПУТЬ КЪ СЛАВѢ! Каждый изуч. писать повѣсти, меліи, стихи по двумъ рукод.: 1) Какъ стать писателемъ? и 2) Какъ стать этомъ? Ц. каждого съ пер. 1 р. 75 к. Л. Д. КРАНЦЪ, Москва, Мясницк.

„СОБІРАНИЕ И РОКЪ“ для интерес. книга для всѣхъ. Нал. и др. А. Волкъ, Петроградъ, Аванесіевск.

СТРАДАЮЩИМЪ ЖЕЛУДКОМЪ
ЗАПОРАМИ и ГЕМОРОЕМЪ
рекоменд. Стомокологич. Д-ра Антона Мейеръ. Стомокологич. освобождаетъ желудокъ легко, нормально и приятно в дѣйствіе всегда одинаково. Это средство надежное, совершенно безвредное в отпач. изъ всѣхъ алтѣкъ по ред. пр. Остерегайтесь поддѣлокъ.

МАНДОЛИНЪ
ГИТАРЪ и БАЛАЛАЙКЪ
Услов. заоч. обуч. и каталогъ исторіи, безплат. „Курсы Музыки“ Москва, Срѣтвоя 21/17.

Открытыя письма. Слѣдкія соборіи великой Русской Революціи и ея дѣателей, исполненныя фотографическимъ способомъ, производя въ большомъ количествѣ. Складъ „ЗВѢЗДА“—Петроградъ Невскій пр. 63. Нужны всѣхъ представители.

ШЕЙТЕ САМИ ОБУВЬ
заочно, посредствомъ лекцій. Условія и первый вѣстникъ обуч. безплат. Марія Дурасовичъ, Москва, Петровскій бул., д. № 9, кв. № 13—14.